

Дебольский Г.С.

О любви к Отечеству и труде по слову Божию протоиерей Григорий Дебольский

Не весте коего духа есте вы.

Лк. 9:55

1. Некогда проходя из Галилеи в Иерусалим, Господь наш Иисус Христос послал вперед себя вестников к одному селению Самарянскому. Посланные пришли в это селение, чтобы приготовить место, где остановиться Господу. Но Самаряне не приняли Его, потому что шёл Он в Иерусалим, к Иудеям, кои враждовали против Самарян. Ученики Господа вознегодовали на них и сказали: *Господи хоцешили, речем, да огнь снидет с небесе; Господь же запрети им и рече: невесте коего духа есте вы. Сын бо человеческий не прииде душе человеческих погубити но спасти (Лк. 9:54–56)*. Сын Божий пришёл на землю для спасения людей, а ученики Его, ещё не чуждые человеческих немощей, хотели погубить Самарян, не ведая: в каком духе должны действовать ученики Христа Спасителя. Ученики Его ревновали о славе Его, но ревновали не в духе Его, – ревновали для отмщения и гибели, а должны были ревновать о славе Его, *яко едиnorodного от Отца (Ин. 1:14)*, для спасения и благополучия ближних. Так и ревность по Боге и Господе Иисусе Христе – это высокое украшение и достоинство христианина, может быть укоризненна, если он хорошо не ведаёт: *коего духа должен быть*.

Для совершенства и достоинства наших деяний, чтобы они были истинно добры, полезны и честны, необходимо знать и помнить: *коего духа мы?* в каком духе должны мы поступать, чтобы вместо добра не сеять зла, – вместо созидания не производить – разрушения?

Этот дух должен быть главным основанием, коренным началом нашей жизни, деяний и нравственности. Этот дух должен быть отличительным свойством нашим; в этом духе должна выражаться наша личность, наш характер или нрав. Как дух, оживляющий наше тело, виден и в наших взорах и в наших движениях, и в нашей речи и молчании, – виден всюду в составе нашего существа: так нравственный дух наш, то есть, наш отличительный нрав должен проявляться в продолжение всей нашей

жизни, во всех наших словах и деяниях, особенно касающихся нашей общественной жизни, – пользе Отечества. Если этот дух столько существен и важен для нас, что от него зависит направление и поток нашей жизни, а, следовательно, и наше счастье, честь и польза нашего общества и Отечества; а мы между тем не знаем или худо знаем: *коего мы духа*: то какое бесчестие и горе нам! Какое бесчестие и горе обществу, которому мы принадлежим! Мы воспитываемся, живём и трудимся: и если весь этот поток жизни протекает, свидетельствуя о нас: *невесте, коего духа есте*: то сколько раз надобно нам повторять: бесчестие и горе нам и всему нашему обществу!

Главный признак: *коего мы духа*, есть жизнь наша. *От плод их*, сказал сам Господь в наставление касательно различения людей, *познаёте их. Древо доброе – плоды добры творить: а злое древо плоды злы творить (Мф. 7:16, 18)*. Какие же добрые плоды должны мы творить, чтобы быть и называться нам добрыми, а не злыми древами? *Бог есть любви*, говорит божественная истина (*Ин. 4:8*); следовательно, и в нас Его отображением и подобием должна быть святая любовь (*1Ин. 4:11*). Но любовь к чему? Сам Господь отвечает на это: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя (Ин. 15:13)*. Следовательно, должна быть любовь к Отечеству нашему. А Апостол говорит, что истинно верующие кроме сего *взыскуют отечествия лучшего сиреч небесного (Евр. 11:14–16)*. Посему любовь наша должна быть обращена к Отечеству земному, видимому и временному; и – к Отечеству небесному, невидимому и вечному. Из этой любви к двоякому Отечеству слагается истинный дух нашей жизни – христианской-отечественной.

Что же являет наша жизнь в отношении к нашему двоякому Отечеству? По отношению к Отечеству небесному явление неутешительное! К нам можно отнести обличительные слова Христа Спасителя: *даете десятину с мяты, аниса и тмина; красите раки праведных, и оставили важнейшее в законе – правосудие и милость и веру: сия подобаше творити и оных не оставяти. Очищаете внешность чаши и блюда, внутри же полны хищения и неправды. Очисти прежде внутреннее, да будет и внешнее чисто (Мф. 23:23,25,29)*. Царствие Божие должно состоять не только в соблюдении внешних обрядов, но гораздо более должно быть *внутри нас (Лк. 17:21)*. Царствие Божие подобно семени, которое человек *вметает в землю*. Эта земля изображает нас. Из земли семя прозябает, *растёт, зреет* и приносит плод (*Мк.4:26–29*). Как из сердца человеческого *исходят помышления и деяния злая (Мк.7:21–23)*: так *внутри ума и сердца нашего начинается и является в благодатных*

плодах царствие Божие. Чистое и непорочное благочестие *пред Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в скорбех их и нескверна себе блюсти от мира (Иак. 1:27)*. Но явление неутешительное, если мы имеем образ благочестия, силы же его отверглись (*2Тим. 3:5*).

Неутешительно явление и по отношению к Отечеству земному, временному, – явление большею частью противоположное заповеди Апостола: *никтоже своего да ищет, но еже ближнего кийждо (1Кор. 10:24)*. Мы каждый едва ли не себе только ищем, т. е. не ищем себе служа Отечеству, а ища себе, служим Отечеству. Господь сказал о Предтече своем: *он бы светильник горя и светя (Ин. 5:35)*; был светильником, который горел, т. е. сам истощался и светил другим, а мы стремимся жить и светить, истощая не себя, а чаще других!

Как собственные выгоды, коих исканием каждый из нас занят единственно, чрезвычайно многообразны, разнородны и даже противоположны: то и жизнь наша общественная являет чрезвычайную разрозненность, сбивчивость и противоположность убеждений и поступков наших. Мы очень часто у себя чужие, потому что наше нам неизвестно и чуждо. Наши соотчичи часто и наших слов не понимают, – наших убеждений не принимают; потому что наши слова и убеждения не нашего поля и не нашей земли, да и не для нашего обихода; а не редко и чужие у нас вместо нас и сеют и жнут. Многие из нас так далеко и так жадно ищут света, что совсем ослепли для нас и не видят того, что нам надобно; а многие из нас бегут от света необходимого для Отечества и ненавидят света, *да не облачатся дела их яко лукава (Ин. 3:20)*. Вот более общие явления нашей общественной жизни! Явления конечно неотрадные.

Столь превратные и стропотные пути нашей жизни выпрямить и уравнять может только благородное и общее усилие всех, проистекающее из любви к нашему двоякому Отечеству, к нашей двоякой родине духа и тела. Что невозможно одному, что трудно для не многих: то легко для всех, если бы всех одушевляло одно общее благородное и правильное стремление любви к Отечеству, а не личные и часто грубые страсти, под наружными покровами правды и благочестия. *Им же несть управления, падают аки листовие, спасение же есть во мнозе совете (Притч. 11:14)*.

2. Если мы и ведаем: *коего духа мы должны быть*; если и знаем, что нас всех на пути жизни должен одушевлять и двигать дух любви к Отечеству небесному и земному: то часто не знаем: как всем нам приобретать этот животворный и спасительный дух и в нём соединяться не только в своей родине и Отечестве, но и во всех концах вселенной. Между тем в этом-то внутреннем духе любви и жизни заключается и наш

прочный гражданский союз, наша общая сила и наше общее достоинство.

Хорошо и приобретать дух любви к Отечеству и взаимного единения с возрастом жизни, но ещё бы лучше возрастать в этом возделанном духе, от пелен матерних. Выросший и воспитанный на своей родной почве, конечно, скорее будет ей верен, до готовности умереть за нее, нежели переходящий и прививающийся от чужой почвы.

Дух любви к Отечеству небесному и земному – деятельный и животворный всего более насаждается и укрепляется нашею *православною верою*, в духе которой мы должны быть воспитаны и действовать. Воспитание в вере и страхе Божиим есть духовное приближение к Богу и ближним любовно и единением. Иисус Христос, воспитываясь как человек, возрастал *благодатью у Бога и человеков (Лк. 2:52)*.

Если мы воспитаны в правилах своей веры и знаем её правоту и чистоту: то Отечество всегда будет иметь в нас своих верных и надежных делателей, исполненных к нему горячей любви, в той степени, в какой воспитание в вере и знание её Апостольской чистоты сообщены нам и развиты в нас. Воспитаться в вере наших отцов с разумным сознанием и сердечною теплотою значить сродниться с верою и быть ей преданным до конца жизни. Если люди, и не в правоте веры воспитанные, роднятся с нею, любят ее и нелегко расстаются: то какими крепчайшими узами должна привязать нас к себе вера Христова, непрерывно и неизменно сохраняющаяся от Апостолов – вера православная, имеющая в защиту свою всю древнюю историю, если только мы воспитаны в этой древней вере; если только раскрыты нам сокровища её Апостольской и отеческой правоты.

Достоинство вещи часто по названию уже видно: так вера наша, усвоившая себе название *православной*, самым именем своим выказывает, что она вера правая – правильная, т. е. Апостольская. Названия вероисповеданий существуют и по пространству вселенной – напр. *католическая*, и по имени народа, напр. *англиканская*, и по имени вероучителей, напр. *лютеранская*, но все сии и другие названия не показывают внутренних и существенных качеств исповедуемой веры, так как название – православная. Свидетельствуя своим превосходным именем о своей Апостольской чистоте и правоте, наша православная вера, при нашем возрастании под сению и в познании её, покажет нам вполне истину своего названия, – будет способна покорить себе сердца наши навсегда и предохранить нас от того жалкого настроения, которое часто делает нас по духу чуждыми Церкви и Отечеству.

Плодом не воспитания в вере и незнания её, что неизбежно

сопровождается не достаточным развитием мысли, часто бывает или одна внешняя покорность обрядам без христианской жизни, которая есть раскрытие и убеждение ума и сердца. На этой внешности нередко основывается различие и предпочтение ближних одних пред другими. Те, кои держатся не духа, а буквы и обряда веры, обыкновенно называют себя одних чистыми и церковными.

Или ещё хуже, плодом не воспитания в вере и не знания её бывает *безразличие*, беспечность в вере и отчуждение от неё. А безразличие и холодность в вере обнаруживаются безразличием своих от чужих, непривязанностью к своим, и часто отчуждением от своих. Семя веры нашей в нашем сердце всегда является и в соответственных ей отношениях к ближним. Для водящегося одними обрядами он и ему подобные считают себя только сынами царства Божия; а для увлеченного духом безразличия, для неведущего её святых внушений, все люди равны, а может быть и чужие больше по сердцу: ибо он не ведаёт божественных слов Писания: *дондеже время имамы, да делаем благое ко всем, паче же присным, в вере (Гал. 6:10)*.

Не воспитанный в вере своей – покорный одному её обряду или безразлично взирающий на неё обыкновенно колеблется и увлекается *всяким ветром учения по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения (Еф. 4:14)*, и легко делается отступником от своей веры, Церкви и Отечества и даже врагом по свойству и силе зла, заключающегося в отступничестве. Примеры подобного несчастья, что *нецыи от нас изыдоша, но не быша от нас; аще бо от нас были, пребыли убо с нами (1Ин. 2:19)*; что *ядый со мною хлеб, воздвиже на мя пяту свою (Ин. 13:18)*, к прискорбию и стыду нашему нередки и современны. И не только сами совратились с богоугодного пути, указанного Промыслом, и сделались из чад врагами отчизны; но и всех нас желали бы сделать такими же клятвопреступниками и вероотечествоотступниками, как сами.

Так плоды не воспитания под сенью своей веры и неведения бывают горьки – *разделение, безразличие* и даже *отступничество*.

Вера, предохраняя нас от разделений и безразличий, освящает и укрепляет нашу естественную любовь ко всем ближним, *паче же к присным в вере*; следовательно, возвышает любовь к родине и делает нас гражданами преимущественно Отечества.

Для пользы, чести и славы Отечества необходимо единство настроения, убеждения и любви; и это единство, драгоценное сокровище для Отечества, всего сильнее насаждается и укрепляется учением и житием в духе веры православной. Вера наши мысли, сердца и поступки

обыкновенно соглашает, соединяет с Богом, и с ближними, паче же с присными в вере; где вера, там и союз, и союз лучше всякого союза, потому что вера водворяет союз внутренний, духовный, союз не временных и вещественных выгод, союз не дружеских забав и удовольствий, а союз совестей во Иисусе Христе. Этот-то духовный и священный союз веры в Бога есть несокрушимая сила и крепость Отечества.

Вера, при единстве внутреннего настроения и убеждения, ею поселяемого в нас, скрепляет это внутреннее единение духа и своим *Богослужением*, к которому так часто призывает и теплою любовно привязывает нас. Благолепие Богослужения, его слова и песнопения Церковь так, приближает к нашему вкусу и сердцу, что они делаются родными нам, – нашим внутренним достоянием, утешением, удовольствием; не видеть храма Божия и не слышать его сладкосвященных песней это – тоска, подобно как для Пророка и Царя Давида было очень грустно не видеть дома Господня, когда он находился от него в удалении: *когда приду и явлюся лицу Божию (Пс. 41:3)*, говорил он; *желает и скончается душа моя во дворы Господни (Пс. 83:3)*, и единственным предметом его молитв было, *еже жити в дому Господни вся дни живота своего, зрети красоту Господню, и посещати храм святой Его (Пс. 26:4)*. Такой навык любить дом Господень и стремиться сюда для единения с Господом, для освящения своих чувств и для внутреннего мира и успокоения – есть новый могучий скрепителъ нашего взаимного союза во Иисусе Христе. Ибо храм Господень всех нас одинаково питает и привязывает к себе, и посему во всех нас насаждает единство вкуса и чувства по отношению к Богослужению отечественному.

При таком вкусе и настроении, основанном на разумном воспитании в вере православной, для нас не могут быть единственным прибежищем для молитвы только те храмины, кои строит и украшает не дух веры и жизни, а буква и обряд; а равно не может быть вся вселенная Отечеством, а только там наше Отечество, где мы видим златоглавые, святыми крестами венчаные храмы; где мы слышим родные звуки отечественного благовеста, где мы внемлем, на родном наречии, глаголам вечной жизни; – короче там, где мы у себя, где живет наше сердце, а не вдали, где естественно ему тосковать и ныть.

Единство общего духовного настроения в вере и любви к отечественному Богослужению поселяет в нас *довольство своим жребием* и побуждает нас к всеохотному преимущественному *служению Отечеству*. Ибо в духе веры и благочестия мы не иначе можем отозваться

о своей родине, как о своей Господе: *Господня бо земля и исполнение ея, и вси живущий на ней; и над нашею родиною не менее как и повсюду (Пс. 23:1) небеса поведает славу Божию, творение же руку Его и у нас как и везде возвещает твердь (Пс. 18:2)*. Посему и наша земля есть Господня и мы насельники отечественной земли не по нашему расчёту, а по благой и мудрой воле Владетельного царствами человеческими. Ибо Бог сотворил *жити народы по всему лицу земному*, определив жительству каждого из них предназначенные времена и пределы (*Деян. 27:26*). Кругом нас всё Божие: по воле Божией мы родились в известном звании, в известной стране, и здесь-то без сомнения – в своей стране, в своем Отечестве нам предназначено Промыслом жить и быть счастливыми, питаться своею пищею, дышать своим воздухом, трудиться с пользою, врачеваться своими средствами и с честью от соотечественников отойти на вечный покой – в отечество небесное. Так вера способна поселить в нас довольство своим жребием, довольство собственно нашим севером и нашим востоком, нашим югом и нашим западом: удаления же и странствия из своей страны без нужды, можно сказать, суть прихоти и мудрования плоти. Такие суетные странствования часто рассеивают, расслабляют и удаляют дух наш и любовь нашу от родного края так сильно, что постоянно жить и трудиться дома становится скучно, невыносимо, невозможно; и мы готовы бежать из жилищ своих с явным отягощением и вредом для себя и других.

Вера же располагает нас и к всеохотному *преимущественному служению* Отечеству. Святое Евангелие представляет нам божественный образ жизни и служения Иисус Христов: мы видим, что Господь наш Иисус Христос начал дело спасения мира в своей отечественной земле не уходил из неё во все дни своей земной жизни, – всю спасительную сокровищницу своего учения и чудес раскрыл под небом своей родины, и плакал о ней, что она должна запустеть; потому что не узнала и не приняла своего Господа – Избавителя. Мы видим и Апостолов Христовых сначала на служении своему отечеству. Господь, посылая их на проповедь, говорил им: *на путь язык не идите и во град Самарянский не внидите. Идите же паче ко овцам погибшим дому Израилева (Мф. 10:5–6)*. Когда, так сказать, вся врачебная сила, употребленная для уврачевания Израильтян, оказалась недействительною: Господь послал своих учеников с проповедью во весь мир. *Вам первой надлежало быть проповедану слову Божию, говорили Апостолы иудеям, а как вы отвергосте и недостойны творите сами себе вечному животу: то мы теперь обращаемся к язычникам (Деян. 13:46)*.

Вера, освящая и очищая взор наш на нашу отечественную землю, яко

на достояние Господне, которая вместе с нашим родным небом не тише других стран поведает славу Божию, освящает и упорядочивает все наши взаимные отношения между собою. Нас – членов единого великого семейства, различных в обществе по званию, чину и состоянию Слово Божие называет членами одного общественного тела, в котором все мы соединены так, что ни один не может сказать другому: ты мне не нужен (1Кор. 12:21). Соединяя разные лица в обществе, представляя каждое необходимым, Слово Божье ещё более и святее связует нас между собою, внушая нам *всех почитать* (1Петр. 2:17), *честью друг друга больше творя* (Рим. 12:10); понятие ума и убеждения совести ближних, сколько можно, счадить, а не бессознательно и дерзко поражать и разрушать. Ибо Апостол говорит: *согрешающе против братьев и уязвляя, их совесть немощну суцу, во Христа согрешаете* (1Кор. 8:12).

Особенно учение веры освящает и облегчает взаимные отношения мужа и жены, господина и слуги, начальствующих и подчинённых, – судей и подсудимых, продающих и покупающих и проч. Эти отношения не возможно никаким умом уравновесить и установить так, чтобы они были совершенно не укоризненны и правы. Такое уравновесие возможно не в свободнострастных мыслях, желаниях, словах и движениях человеческих, а в машине. Но слово Божие сии отношения превосходно очищает, уравнивает, умиряет и успокаивает, естественные наши недостатки дополняя и излишества отсекая своею божественною силою и властью. Мужу и жене, начальствующим и подчиненным, господам и слугам, судьям и купцам и проч. учение веры советует и повелевает при их взаимных отношениях помнить только о Господе, что все состояния и звания наши должны существовать не по прихоти нашей, а во имя Господа, законополагающего и освящающего все общественные состояния и звания. Муж и жена помните о Господе, Который говорит вам: *мужие любите своя жены, яко же и Христос возлюбил Церковь. Жены своим мужем повинуйтеся, яко же Господу* (Еф. 5:25, 22). Начальствующие господа помните о Господе, Который вам глаголет: *правду и уравнение подавайте* – т. е. оказывайте должное и справедливое, *ведуще, яко и вы имате Господа на небеси* (Кол. 4:1); прими раба не как раба, но выше раба, *яко брата, возлюбленна тебе и по плоти и о Господа* (Фил. 1:16). Судии и куплю деющие помните о Господе, Который говорит вам: *горе оправдывающим нечестива даров ради* (Ис. 5:21): *не сотворите не правды в суде, в мерах, и в весах и в мерилех* (в измерении) (Лев. 19:35). Подчинённые и слуги помните о Господе, Который внушает и заповедует вам: *всяка душа властем предержажим да повинуется: несть бо власть,*

аще не от Бога (Рим. 13:1): повинуйтесь не только благим и кротким, но и строптивым. Сие бо есть угодно пред Богом, если кто, помышляя о Боге, терпит скорби, страдая несправедливо. Кая бо похвала, аще согрешающе терпите (1Петр. 2:18–20).

Так божественно и благотворно верховная власть Господа устроит и утверждает наши взаимные отношения, кои по Слову Божию от того кротки, тихи и мирны, что их решает воля Божия, а не наш прихотливый произвол! При святости и прочности наших взаимных отношений, основанных на учении веры и на воле Божией, и наше вообще отношение к Отечеству неминуемо улучшается и облагораживается. Его совершенства, как совершенства наших родителей, для нас радость; его недостатки, как недостатки наши, требуют снисходительного терпения и терпеливого исправления. Все мы, как члены одного общественного тела, обязаны усиленно стараться исправлять свои недостатки, но никак не желать, чтобы вмешивались своим бранноносным, болезненным словом и злобным судом в дела нашего великого семейства люди чуждые и даже неприязненные нашей вере и земле, и особенно наши, но ушедшие от нас, в стране дальней от дома отеческого блуждающие, своим неусыпным лаем обнаруживающее свою заразу и оскверняющие имя своего родного края.

Послушаем вселенского учителя – св. Златоуста: как превосходно говорит он о воспитании в вере и страхе Божиим¹. «Отцы не раздражайте чад своих, как это делают многие родители, лишая детей своих наследства, оставляя их без призрения, обращаясь с ними жестоко, как с рабами, а не как с свободными. Поэтому говорит: *не раздражайте чад своих*. За тем, что особенно важно, указывает, как сделать их послушными, и говорит: *но воспитывайте их в наказаниях и учении Господни*. Видишь ли, что когда есть духовное добро, за ним явится и плотское? Хочешь ли, чтобы сын твой был послушен? С детства воспитывай его в наказаниях и учении Господнем. Не думай, чтобы слушание божественных Писаний было для него делом излишним. Там он услышит прежде всего: *чти отца твоего и мать твою* – слова, направленные к твоей пользе. Всем весьма нужно внимать учению, заключающемуся в Писании, а особенно детям, так как в этом возрасте ещё многого не знают. Но, не зная божественных истин, они знают нечто из сочинений языческих, изучая в них жизнь дивных, по их понятиям, героев, которые служили страстям и боялись смерти. Итак сын твой нуждается в этом спасительном руководстве, – в наказании и учении Господни».

«Не безрассудно ли учить детей искусствам, посылать их в училище, ничего не жалеть для их образования; а о воспитании их в наказаниях и

учении Господнем не заботиться? За то-то сами мы первые и пожинаем плоды такого воспитания детей своих, видя их дерзкими, невоздержанными, непослушными, развратными! Не будем же поступать таким образом и послушаем увещаний блаженного: станем воспитывать детей своих в наказании и учении Господнем, подадим им пример благочестия, заставим их с раннего возраста упражняться в чтении Писаний. Ах! я постоянно говорю это: только мне думается: не напрасно ли я теряю слова свои? Но, при всём том, я не перестану говорить об этом; это мой долг!»! Всё у нас должно быть второстепенным в сравнении с заботой о детях и с тем, чтобы *воспитывать их в наказании и учении Господни*. Кто прежде всего научается быть любомудрым, тот чрез это приобретает богатство, превосходящее всякое богатство и величайшую славу. Не так полезно образовать сына, преподавая ему науки и внешние знания, посредством которых он станет приобретать деньги, сколько – если научить его искусству презирать деньги. Если хочешь сделать его богатым, поступай таким образом. Богат, не тот, кто заботится о большем стяжании имени владения многим, а тот кто ни в чём не имеет нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его: в этом – величайшее богатство. Не заботься о том, чтобы сделать его известным по внешней учёности и доставить ему славу, но старайся о том, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни: от этого он будет славнее и знаменитее. Это возможно сделать и богатому и бедному; этому научаются не от светских учителей и не при пособии наук, а из божественных Писаний. Не заботься, чтобы сын твой здесь пожил долго, но чтобы там удостоился жизни беспредельной и нескончаемой: давай ему великое, а не малое. Внимай словам Апостола Павла: *воспитывайте их в наказании и учении Господни*. Не ритором старайся сделать его, но научи его любомудрию. Если он не будет ритором, отсюда не произойдет ещё никакого вреда; а при недостатке любомудрия, самое обильное риторство не принесёт никакой пользы. Благоповедение нужно, а не остроумие, – нравственность, а не сила речи, – дела, а не слова: это доставляет царство, это дарует и действительные блага. Не язык изощрай, но очищай душу. Говорю это не с тем, чтобы запретить светское образование, но для того, чтобы не привязывались к нему исключительно».

«Кто чем большим пользуется почётом в настоящей жизни, тем более нужно для него такое образование. Служит ли кто в царском дворце, там много эллинов, философов, людей надменных временною славою. Каково же, подумай, если сын твой, вступивши туда, входит, как самый лучший врач, с орудием, которое в состоянии укротить надменность каждого,

подходит к каждому и разговаривает, врачует больное тело, прикидывает пластырь из Писаний, расточает любомудренные доказательства. И, если тебе угодно, знай, что сын твой с таким образованием, в свете будет самым приятным человеком: все станут уважать его, когда увидят, что он не вспыльчив и не домогается власти: впрочем он получит власть и не домогаясь её. Ибо такому нельзя укрыться: во множестве здоровых один может остаться не замеченным: но если между множеством, больных найдется один здоровый: то ему будет поручено начальство над многими. Зная это, *воспитывайте детей своих в наказании и учении Господни*. А, если кто-нибудь беден? Пусть останется бедным. Скажи мне, какие из растений самые лучшие? Не те ли, которые сами в себе, содержат силу, и ни от дождя, ни от града, ни от стремления ветров, ни от других каких-нибудь подобных причин не терпят вреда, но стоя открыто, и не имя нужды ни в кровле, ни в ограждении, как бы всем презирают? Таков истинный любомудр, таково его богатство! Он ничего не имеет, и всё имеет: всё имеет и ничего нет у него. Еще: скажи мне, какое тело бывает особенно крепко? То ли, которое здорово, которое удобно переносит голод, не требует пресыщения, не терпит от стужи, равно как и от жара, – или то, которое, не способно переносить всего этого, и кроме того для своего здоровья нуждается в поварах, ткачах, охотниках и врачах? Подлинно, только истинный любомудр, который не нуждается ни в чём подобном, есть истинный богач. Поэтому-то блаженный Павел и говорил: *воспитывайте их (детей) в наказании и учении Господни*. Итак, не во внешних благах ищите ограждения для детей своих; но воспитывайте их по наставлению Апостола: в этом заключается богатство, в этом состоит слава. Когда временная слава и богатство прейдут, – а они не постоянны: – то люди, обладавшие ими, бывают подобны больному, повреждённому растению, которое не только не приносило ни какой прибыли в прошедшем, но ещё производило убыток. Итак, образуем детей так, чтобы они могли переносить всё и знали, как должно поступать среди несчастий; *воспитаем их в наказании и учении Господни*, – и нам воздастся великая награда».

3. Любовь к родине и Отечеству, кроме восстания в духе веры, отлично может насаждаться и укрепляться в нас воспитанием в духе *отечественной народности* – в преимущественной любви к похвальным нравам и обычаям своеземным, которые бы нас связывали с соотечественниками и являли в нас тех, кто мы по имени (т. е. Русских). Безразличие к жителям земли и к странам их жительства почти также как и безразличие в вере, можно признать за тяжкий порок нашего ума и

сердца; безразличие в вере порождает вероотступников: безразличие к тому: своя ли отечественная земля и жилище отцов наших, или чужая, – порождает гражданских отступников. Безразличие к отчизне есть монета без образа и начертания, о которой нельзя сказать: чья она. Такое бесхарактерное, бескачественное существо может ли быть надежной и умною опорой для своих собратий?

Что за член тела без любви к своему телу и без знания свойств и нужд его? Апостол Павел говорит о теле общественном: *не может око рещи руце: ты мне не надобна: или главе и очам: вы мне ненужны. И аще страждет один член тела, с ним страждут вси: аще ли же славится един уд, с ним радуются вси* (1Кор. 12:21, 26). Сии священные слова Апостола свидетельствуют о том: какая тесная связь должна соединять различные члены единого тела; какая взаимная любовь и сочувствие должны сливать нас в едино тело, в едино общество, в едино Отечество. Но возможна ли эта любовь и сочувствие в членах нашего отечественного тела, когда они таковы только по имени, без своего родного сознания и убеждения?

Истинная любовь к своей родной земле открывается в старании и усилении принести пользу ей преследованием и исправлением наших недостатков, но не бесполезным открытием и оглашением их между иноплеменными для одного злословия, мщения или тщеславного желания показать, что осуждающий своих будто бы человек передовой и лучше и выше других. Истинная любовь не выносить нравственного сору из дому, хотя и не терпит и выметает его; не делает чужих посредниками в своих семейных делах, кои от стороннего вмешательства только больше запутываются. Но безразличные к земле и небу большею частью выносят сор из дому, чтобы только бросать его в глаза другим, не имея ни сил, ни искреннего желания исправить час; да и возможно ли исправлять не исправному? *Видиши сучец во оце брата твоего, бревна же во оце твоём, не чуеши* (Мф. 7:3).

Чтобы воспитываться, возрастать и действовать в духе отечественной народности и жизни, нам непременно и преимущественно надобно знакомиться и сродниться с духом отечественным и народным чрез слушание, чтение и изучение отечественных бытописаний и сказаний о жизни наших предков, дабы нам отчетливее, разумнее ведать и сознать свойства наши родные, таланты, данные нам от Бога, и каждому порознь, и вообще всем нам вместе – как членам единого тела гражданского; чтобы сказания отечественные в особенности нам нравились, действовали на нас, поучали и настраивали нас, и составляли собственно нашу жизнь. *Помянух*

дни древние и поучахся (Пс. 142:5), говорит псалмопевец. Царь и Пророк Давид поучался, читая деяния своих предков, – своего народа; без сомнения видел избрание народа своего для своей исключительной цели и поучался готовить к ней себя и других. Если бы скрижали и нашей народной жизни и нравственности поглубже и по применительнее к нашей жизни раскрываемы были для нас; и мы, вспоминая древние дни нашей страны, поучались бы более любить её, видя своё назначение особенное по нашим свойствам, нравам и законам.

В скрижалях нашей протекшей жизни между прочим мы увидели бы поучительно для себя – строгую любовь наших предков к общественному порядку, *тишине* общественной, а следовательно *покорность и терпеливость*; поучительно увидели бы любовь к досточтимой *старине, бережливость, устойчивость в своём* и осмотрительную осторожность в принятии новизны; увидели бы нежную и могучую любовь к родине и дому своему; *гостеприимство и услужливость к другим*. Увидели бы и поучились бы многому, если бы по пристальнее всматривались мы в зеркало нашей отечественной народной жизни, вместо того, чтобы слишком устремляться к зрелищу жизни отдаленной и чуждой.

Узнавая под сенью нашей отечественной истории: коего мы духа, мы бы с более прочным успехом переходили от древнего к современному, – от нашего прежнего к нашему настоящему; наша деятельность и жизнь были бы последовательнее, проще и самостоятельнее. Но не зная: коего мы духа, мы живем более искусственно, чем естественно; более подражательно чем сознательно; более слепо, чем осмотрительно; чужое не сродное примешиваем к своему, и может быть являемся двуличными – ни свои ни чужие. *Никто же лоскута от ризы новы приставляет на ризу ветху; а иначе, и новую раздерет и к старой не пристанет. Никто же, пив ветхое, тотчас захочет нового; глаголет, бо ветхое лучше есть (Лк. 5:36,39)*. Не это ли наружное по слепой прихоти смешение в нас своего и чужого порождает во многих из нас дух и приёмы не своеобразные и странные; жизнь расточительную, не умеренную, скитальческую по иным странам без нужды, плана и цели, чтобы воображать и говорить тщеславно и легкомысленно, что там и светло и тепло, а у нас мрачно, скучно, холодно. Обратимся к дням древним, помянем и поучимся быть тем, чем Бог судил нам, и там, где Бог поселил нас, не пререкая, а смиренно покоряясь Его святой воле. Везде светло и тепло, когда совесть светит и греет.

Правда между нами находятся и многие ревнители старины, каких в иных странах совсем нет. Но это ревнители, к сожалению, – слепые и

ревнителю мнимой старины или правильнее зачинщики и стражи *раскола*. Они так же не ведают: коего они духа, как и преданные воспитанием и жизнью чуждо-народному духу. Первые суть рабы старой буквы, краски и погрешностей; а другие – не призванные слуги и поборники иноземного духа, скитающиеся без всякой отечественной буквы, краски и обычая. Итак, наше любезное и православное Отечество носит в тебе две противоположные болезни – слепое упорство и слепое легкомыслие, кои при всей противоположности сходятся между собою в одном – в слепом подражании, – у одних дедам и отцам, – у других чужеземным сынам и братьям. Следовательно нет истины ни под тенью старой буквы и краски, ни под видом нового лоска: ни в раболепстве старшей ни в раболепстве новизне: то и другое есть Богопротивный раскол. Истина не в крайностях, а в середине.

И может ли быть истина в расколе? Он к несчастью нашему представляет и соединяет в себе совершенный крайности и ведет к одним беспорядкам. Кто – представители, защитники и распространители мнимой старины? Люди простые, не многограмотные, увлеченные и обманутые, люди не многочисленные сравнительно с обществом Православных. И эти-то люди упорствуют против православной Церкви, к которой принадлежат и Царь и все высшие лица духовные и гражданские, все лица просвещенные и многосведущие; все лица благочестивые и благородные; все лица почтенные и достойный уважения; и весь православный народ, любящий и чтущий также своих дедов и отцов. Что же подумать и сказать об упорнохранящих суетное житие, от отцов преданное (1Петр. 1:18)? Только то, что это гордые упрямы, остановившиеся и закосневшие на безрассудно принятых мнениях.

Не истина ли заставляет их так упорствовать? Ужели же для прочих их соотечественников и многочисленнейших и опытнейших и образованнейших и особенно обязанных к хранению и распространению истины, она не священна и не дорога? Это страшно подумать? Нет, такое упорство со стороны мнимых защитников старины есть не плод истины, а упорства Фараона, не хотевшего освободить народ Еврейский, противоборствовавшего воле Божией, вопреки собственному убеждению и благополучию!

Но разве не истина – хранить старую веру и потому называться староверами? О, это священнейшая истина Православной Церкви, которая потому и называется Апостольскою и Православною, что она *на основании Апостол и Пророк сушу краеугольну самому Иисусу Христу* (Еф. 2:20) строго блюдет Писание и предания священные, непрерывно и неизменно

от Апостолов. Какая же старая вера может быть вне Православной старейшей Церкви, среди которой родилась и так называемая старая вера, как уродливое и упрямое чадо. Если она родилась и возникла среди Апостольской Церкви: то может ли быть старою верою? скорее и правильнее назвать ее новою. Когда же именно явилась? Не более как около 200 лет? Что дало ей жизнь в это недавнее время? Невежественное и жалкое упорство против благонамеренного и просвещённого исправления погрешностей, вкравшихся в церковные книги по неопытности и неосмотрительности переводчиков и переписчиков. Вот начало жизни, так называемой старой веры! Старые погрешности в книгах с самыми растрепанными от ветхости книгами признаны святыней, украсились громким именем старой веры и облеклись в броню ужасного упорства против истинной веры и Церкви!

Если родительницею так называемой старой веры была погрешность в книгах, породившая упорных защитников её, как святыни: то мнимо старая вера будучи в существе своём чадом греха, конечно породила как и действительно породила на свет и доселе рождает многие беспорядки и грехи. Защита погрешностей, исправленных Церковью, отделила защитников от неё и произвела раскол. Токи духовной жизни, переливающиеся в Церкви от Апостолов, или паче от самого Духа Господня, в удалившихся от неё пресекались и закрывались. Упрямая защита погрешностей книжных открыла незаконные стихии мнимо духовной жизни; зараженные расколом решились хитрою лестью совращать к себе простодушных для умножения своего самочинного общества, принимать к себе и укрывать виновных пред Церковью и правительством, и из виновных, не разбирая даже пола, поставлять наставниками и учителями других ко спасению; храмы Божии заменить простыми домами, таинства одними обрядами как старыми так и придуманными вновь.

При этом искажении древнего церковного благочиния жизнь клонившихся от уединения с Церковью есть совершенное бесчиние. Живя без правил веры и нравственности, лестно, подкупом и обманом, они в тоже время исполнены внутренней взаимной недоверчивости, вражды злобы ко всем не единомысленным с ними – до такой степени самомнения и превозношения себя, что считают прочих нечистыми, с которыми не должно разделять пищи и пития, чтобы не оскверниться. Так одно семейство народное разделилось на части и отделившаяся часть слепо и злобно враждует и против власти гражданской, установленной от Бога, и против церковной, которой от Господа вверены ключи царствия Божия, и вообще против, всех с ними не согласных во вражде против порядками

благочиния, и сами против себя, раздробившись на многочисленные толки и согласия, или правильнее на несогласия.

Не такие слепые ревнители старины отечественной нужны: эта старина есть остаток застарелой болезни; нам нужен дух народный, отечественный, чтобы стоять не за книжные погрешности, а ограждать свойства и стремления здоровой народной жизни, *чтобы поминая дни древние поучаться* а не омрачаться и злобствовать.

4. Чтобы иметь свой собственный отечественный дух жизни, нам надобно, при *воспоминании дней древних* и при *поучении* в них, прилежнее поучаться и в *языке отечественном*. *Глаголы, яже Аз глаголих вам, дух суть и живот суть (Ин. 7:63)*, говорит Господь о своём божественном слове. В слове Господа дух и жизнь всеобщие, вечные, божественные: в слове каждого народа выражаются его собственные дух и жизнь. Чем более и основательнее изучается язык народа: тем могущественнее внедряются дух и жизнь народные, отечественные. Слова не мертвые звуки, но звуки духа и жизни, проводники мысли, обычая, направления. Например, на языке священном – библейском слово жизнь означает в строгом смысле жизнь, – т. е. жизнь достойную, чистую и неукоризненную, в которой заключаются наше достоинство и украшение и наше истинное счастье и вечное блаженство. Господь говорить: *аще кто слово моё соблюдает, смерти не имат видети во веки (Ин. 8:51)*; в другом месте: *праведники во веки живут (Прем. 5:15)*. Следовательно, живут собственно и истинно только праведники, потому что только о них говорит Писание, что они живут и не умирают, т. е. как здесь на земле, так и там по смерти они праведны пред Богом и ближними и блаженны. А на языках народных, словом жизнь означает всякое существование – и жизнь греховная. Посему дух и нравственность языка народного ниже языка библейского, священного. На нашем родном отечественном языке между наименованиями Господь и господин находится великое или совершенное различие, а на языках иноземных этого различия нет; явление знаменательное! Взаимные приветствия православного русского народа на отечественном нашем языке, и между чужими лицами, несоединенными родством, облечены наименованиями родственных отношений, заимствованными из той откровенной истины, что Бог произвел *от единыя крове* всех человеков (*Деян. 13:26*), – наименованиями нужными и примирительными, например, деда, дяди, брата и прочих – чего не услышать на языке иностранном, в приветствиях взаимных между лицами неродственными. Названия дней на нашем отечественном языке заимствованы из Библии – от дней творения, например, первый день

недели, второй день или вторник, четвертый или четверток и прочие, а на иных наречиях взяты от языческих божеств и прочих. Так в устах народа его дух, жизнь, нравственность. Кто в каком преимущественно воспитан языке, тот без сомнения духом этого языка дышит и живет. Язык делает нас очень часто своими или чужими Отечеству и Церкви. Если уста человека немотствуют для речи родной: кто подумает, что она ему своя? Если в устах наших слова живой прекрасной сильной отечественной речи ломаются, искажаются: кто подумает, что я или он не пришльцы? Если и с хорошою речью народною смешиваются без нужды иноязычные выражения: кто не скажет, что душа этого человека вмещает жизнь смешанную, стихии отечественные с чужими?

Между тем преимущественное употребление чуженародной речи, или своей, но смешанной с чужеземною ведёт к общему искажению народной речи и следовательно – духа и жизни. От воспитанных в духе чуждого языка, у которых преобладает или неведение или искажение своего, слепо перенимают простецы, как не грамотные от грамотных. Прислушаемся к говору народному; послушаем слов и выражений слуг; осмотрим надписи разных пристанищ, трудов и ремесел: сколько услышим и увидим ненужной лишней примеси к своему родному богатому слову – речей чуждых, ненужных, непонятных и всему народу и тому, кто говорит и надписывает, единственно по слепому подражанию испорченному вкусу!

Если в языке народа дух и жизнь его: то понятно строгое в одной из священных книг осуждение Иудеев, *коих сынове после плена вавилонского отполу глаголаху, т. е. смешенным азотским языком, и неумеяху глаголати иудейски. И запретив им и проклях их и порази от них мужей Неемия (Неем. 13:24).*

Мы не знаем: коего мы духа, потому что слабо изучаем и мало любим живую отечественную речь, а изучая и любя иноземную, не ведаем: для чего её надобно знать и когда употреблять. Если слово Божие называет глаголы свои духом и жизнью; и каждый язык действительно содержит дух, мысль и жизнь народа: то без сомнения главная и преимущественная цель ведения иных наречий должна быть искание и почерпание светлых и полезных опытов и истин.

Опыт и мысль для улучшения и усовершенствования понятий, жизни и обычаев наших – вот единственная цель, которую надобно иметь в виду изучающему чуженародную речь. *Слово мое, говорит Апостол Павел, состоит не в убедительных человеческия мудрости словах, но в явлении духа и силы (1Кор. 2:4);* т. е. не смотрите на внешнюю оболочку слова, но на его дух и силу, ибо не оболочка, не буква, не звуки и говор нужны, но

мысль и жизнь. *Да вера ваша, прибавляет Апостол, не ей мудрости человечестей, но в силе Божией будет* (ст. 5). Царствие Божие, присовокупим – и человеческое, *не в словеси, но в силе* (1Кор. 4:20). О новом Завете своём с людьми Господь говорит: *дам законы моя в мысли их и на сердцах их напишу* (Евр. 9,10), *и дал нам способность быть служителями нову завету, не письмене но духу: письма бо убивает, а дух животворит* (2Кор. 3:6): *плоть не пользует ничтоже* (Ин. 6:63). Так изучать и ведать букву чужую надобно не для буквы, которая не животворит, а убивает, т. е. не возвышает, а более затемняет и угашает жизнь и речь отечественную; изучать не для плоти, которая *не пользует ничтоже*, потому что буква и плоть суть только скорлупа, только еще оправа, ковчег закона и истины, а не самая истина и жизнь. Если мы вместо уведения истины привяжемся к букве: то она действительно не оживотворит, а убьёт мысль и жизнь нашу. Мысль от знания одной буквы и слов не приметно темнеет, потому что не пища духу и мысли доставляется, а одно вещество и груз для памяти; ум не воздвигается, не сосредотачивается, и не светлеет, а разодевается и сбивается во тьме бесчисленных мёртвых звуков.

Изучая иные языки, ведение которых и Сам Бог открывал (Деян. 11:1–11), – чтобы сообщать истины и правила, для улучшения жизни, мы должны разговорную речь на ином языке вести весьма редко – только по нужде – уяснить свои мысли другому, который понимает нас хорошо не иначе, как на известном языке. Такое употребление чужих языков внушается и освящается словом Божиим. Припомните: на каком языке глаголил Бог в ветхом Завете? На еврейском, потому что говорил Евреям, которые всего лучше могли понимать и усвоить божественное Откровение на своём отечественном языке. На каком языке Господь пишет новый Завет? На греческом, на самом употребительном в то время между народами, потому что пишет для всего уже мира, в котором большая часть могла скорее понять и усвоить спасительные истины на этом всемирном наречии. В день сошествия Святого Духа на Апостолов, они глаголяли *величия Божия* на разных языках, чтобы пришедшие из разных стран и от разных народов яснее могли видеть и понимать излившуюся на них божественную благодать (Деян. 2:11). Особенно Апостол Павел представляет нам пример употребления иных языков, достойный подражания. Пища о дарах благодати – пророчествовать т. е. изъяснять волю Божию и говорить на иных языках Апостол поучает: *глаголай языки*, т. е. кто говорит на незнакомом языке *не человеком глаголет, но Богу. Пророчествуяй же*, т. е. изъясняющий мысль, *человеком глаголет*

созидание и утешение и утверждение. Глаголяй на незнакомом языке, тот себя назидает (а между нами себя выказывает), а пророчествуяй – Церковь т. е. общество назидает. Если братие прииду к вам и стану говорить на не знакомых языках: то какую пользу сотворю, когда не истолкую вам. Так если и вы языком произносите не вразумительные слова: то как узнают глаголемое? Вы будете говорить на ветер. Сколько, например, различных слов в мире и ни одного из них нет без значения. Но ежели я не разумею значения слов: то я для говорящего чужестранец и говорящий для меня чужестранец. А потому говорящий на незнакомом языке истолковывай. Ежели снидется Церковь вся вкупе, и вси языки глаголют, т. е. все станут говорить незнакомыми языками, войдут же к вам незнающие: то не рекут ли яко беснуется (1Кор. 14:1–23). Так Апостол в отношении к речи советует быть сколько можно вразумительнее и назидательнее для других. Чем лучше понимают нас другие, тем достойнее и полезнее наша речь. Но между нами без сомнения вразумительнее и поучительнее речь наша – отечественная, даже и между глаголющими на иноземных языках.

Нужда и польза, а не привычка и тщеславие должны двигать нашим словом. Вразумительность и назидательность речи, а не суетность должна быть побуждением и целью употреблять тот или иной язык. Свой ум в голове и своё выразительное и обильное слово в устах наших суть лучине свидетели наших достоинств. Ибо что за достоинство? – скорее легкомыслие и унижение изменять прекрасному своему и без нужды употреблять и выставлять на показ чужое, и притом не лучшее нашего, дарованного нам от Бога и Отечества, вместе с многоразличными благами, коими мы бессознательно, как и словом, пользуемся.

Все мы, составляющее единое тело общественное, мало ведаем: коего мы духа. Ибо мало ведаем сказания наших предков, мало изучаем своё отечественное слово и мало им пользуемся. А весьма многие не ведают не только духа, но и письмени, пребывают в глубокой тьме неведения и даже чуждаются света знания, как будто оцупью можно вести жизнь и деятельность правильно и обязательно. Все мы, составляющие единое тело общественное, тогда встанем на законный и правильный путь жизни сознательной и самостоятельной, если уведем: коего мы духа, т. е. придём в сознание и сочувствие нашего положения и наших нужд. Как мы постигли, говорит слово Божие, так и да мудрствуем, и тем же правилом жительствоуем (Флп. 3:16).

Стремиться к свету естественно. В царстве природы всё обращается кругом света и живёт им, и в царстве благодати стремиться к свету есть первая и священнейшая наша обязанность. *Аз есмь свет миру, ходяй, по*

мне не имать ходити во тьме, но имать свет животный (Ин. 8:12), говорит сам Господь – Солнце правды. Не идти ко свету значить – не желать ведать истины или бояться обнаружить беззаконие. Ибо кто не любит света? Писание отвечает: *всяк делаяй злая, ненавидит света и не приходит к свету, да не обличаться дела его, яко лукава суть (Ин. 3:20).*

Сколь естественно стремиться к свету: столь священно и похвально помогать этому благому стремлению, которому препятствовать есть дело крайне неразумное и нечестивое, и по своим следствиям очень вредное и скорбное. Можно ли хорошо идти, делать и работать в потьмах? Так неизбежны грехи неведения. Священны чувствования сердца чистого: но сердце чисто создается не без света разума. Разум есть царь в человеке; мудрость есть руководительница сердца, которое часто увлекается и ревнует не по разуму (Рим. 10:2). В этом увлечении заключается источник самообольщения, фанатизма, нетерпимости; призрак кажется и принимается за истину.

Будем не только исполнять, что велят, но постараемся и знать, сколько возможно, и сами и других вразумлять о том, что велят делать. Недостаток сердечной теплоты мы с успехом можем восполнять светом и силою разума мыслящего, а недостатка разума никогда не восполним чувствами и увлечениями сердца. Сердце одно без света разума не может быть надежным руководителем и в деле веры, а тем менее в делах общежития, потому что сердце не размышляет, а чувствует безотчетно. Господь сам, говоря о любви к Богу: *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем и всею душею твоею*, не остановился на этом, но присовокупил: *и всею мыслию твоею (Мф. 22:37).*

5. При воспитании в духе православной веры и русской народности, нам необходимо для блага и чести Отечества воспитание и возрастание в духе истинной любви и внутреннего уважения к законам и уставам отечественным. Оскорбительно невнимание к отечественной истории, к отечественному слову, но несравненно оскорбительнее и вреднее неуважение к законам отечественным, коих власть и сила простираются на всех нас, и неуважение к коим бывает для всех нас очень ощутительно, отяготительно и скорбно. Неуважение к закону обыкновенно предоставляет нас неправильному и гордому произволу людей, кои по своей необузданности и прихоти часто так далеко и смело заходят, что, по-видимому, всё должно раболепствовать и служить им – и закон и люди; при неуважении к закону не мы бываем под властью закона и исполнителями его, а закон, в нашей власти и мы судии его; не он правит и располагает нами, а мы располагаем и самоуправно даём ему силу и

значение; тогда граждане боятся не закона а суди и начальника, и просто человека смелого и дерзкого; – боятся не Бога и совести, а оружия. От такого бесстрашия к закону происходит чрезмерное, даже дерзкое попрание прав лиц, ищущих покровительства и защиты законов, и чрезмерное надменное самоуправство – и сокровенное и явное, всенародное, подобное дерзости раба, который при судилище, соединённом из лиц, облечённых церковною и гражданскою властью даже ударил Христа по ланите, и которому Спаситель, – невинный и ни в чём ещё не осуждённый, кротко сказал: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле, аще ли добре, что мя биеши* (1Ин. 18:23). Скольких биемых и явно и заочно, и на улицах и в домах мы встречаем и видим, – биемых самоуправно и дерзко, – единственно по надменности и привычке не уважать лицо и закон! Так при неуважении закона для одних труд, лишения, терпение, страдания; для других высокомерие, праздность, необузданность и безнаказанность. Не уважение к закону доводит до вопиющих неправд, кои легко прикрываются не уважающими закона; тяжесть этого зла страшным гнётом давит честных беззащитных граждан.

Но как внушить и поселить уважение к лицу и закону? Без сомнения любовно и уважением к личным правам каждого согражданина; составлением и пересмотром закона целым сонмом мудрых и ведущих права и обязанности; воспитанием в духе любви и уважения к каждому закону, установленному и принятому, повсюдным и беспристрастным наблюдением за исполнением всякого закона, каждым лицом; и строгим непозволением делать частные местные изъятия из общего закона. *Воля Божия*, чтобы каждый умел содержать себя в святости и честности и ни в чём не поступать с братом своим противозаконно и корыстолюбиво (1Сол. 4:3,4,6).

Не воспитанные в духе православной веры и народности, мы не ведаем или не хотим ведать, что жизнь и деятельность каждого из нас может и должна быть обращена единственно к пользе, чести и славе Отечества. Но возросшие под сенью Православия и родины мы легко поймём: как необходимы и дороги для Отечества полезные, честные и славные труды наши; ясно узнаем и ощутим: как единодушно желает и жаждет оно видеть и приветствовать наши деяния пользы, чести и славы, призывая нас – и не кого-либо исключительно, а каждого к трудам посильным, кои все могут быть полезны, честны и славны. В обществе много ступеней, на которых наши труды и заслуги посильные, – одни виднее и громче, другие тише и откровеннее, но все предназначены служить как и служат к пользе, чести и славе Отечества. Отечество есть

совокупность многих: так польза, честь и слава его слагаются и зиждутся совокупными и посильным деланием во имя Отечества всех граждан и членов его. Пусть не все лица трудящиеся могут быть примечены в сонме многочисленных тружеников и делателей: но действия и труды достойные, как лучшее наследие, могут оставаться и остаются в здании Отечества крепки и прочны.

Чтобы быть полезным обществу на пути своей жизни и деятельности, каждому из нас надлежит в своём кругу и по своим силам *добросовестно* трудиться в исполнении своих обязанностей, – с *усердием* и *старанием* улучшать то, над чем трудимся. Это усердие к труду есть первый и надёжный залог его пользы для других. Апостол Павел, внушая верующим повиноваться своим пастырям, побуждает пасомых к тому представлением, *да с радостью творят* пастыри дело своего служения: а если будут совершать без радости и – усердия: *несть полезно вам сие* (Евр. 13:17). Следовательно: как близка и возможна нам та польза, которую мы можем принести обществу! Будем только с усердием трудиться!

Для большей пользы другим от наших посильных трудов, соединим с обыкновенным нашим усердием и то достоинство, чтобы нам трудиться в духе благочестия, которое по свидетельству Апостола, *на всё полезно* (1Тим. 4:8).

Но высшая без сомнения польза от нашей жизни будет тогда, если мы, последуя заповеди Апостола: *ищите добра друг другу и всем* (1Сол. 5:16), каждый на поприще своего усердного и благочестивого делания, будем постоянно подчинять свою личную пользу общей. *Больши сея любве, а следовательно и блага большего на пользу Отечества принести никтоже имат, да кто душу свою положить за друга своя* (Ин. 15:13).

Впрочем, есть степени полезного для других делания и разные виды оного. Наше поведение может быть полезно для других не только нашим добросовестным и христианским трудом, но и благим словом. *Всяко слово гнило, говорить Апостол, да неисходит из уст ваших: но только полезное для назидания в вере, да даст благодать слышащим* (Еф. 4:29). Так первая доступная всем возможность быть полезным для других заключается в добрых качествах нашего труда и слова.

Если возможно и необходимо каждому из нас провоздатель или устроить жизнь свою с пользою для других: то также возможно и должно всякому из нас трудиться и *жить с честью*. Честь состоит в добром мнении о нас ближних и доверии их к нам, а доброе мнение, как тень за телом, необходимо следует за полезным и благим деланием в том кругу, в

котором мы поставлены от Бога. Апостол Павел говорит: *слава и честь и мир всякому делающему благое* (Рим. 2:10). Благое делание возможно и необходимо всякому из нас: так честь может и должна сопровождать жизнь каждого из нас. Премудрый сын Сирахов говорит: *обычай человека лжива бесчестие и стыд его присно с ним* (Сир. 20:26): следовательно, быть нелживым, верным долгу, слову, обещанию, условно, значит приобретать честь себе и обществу, к которому принадлежим.

И какие важные для нас побуждения трудиться и жить с честью! Честь есть доброе мнение о нас, а вместе и о целом сословии и обществе, к которому мы принадлежим. Следовательно, нерадение о достоинстве своих дел и о честной жизни есть оскорбление чести и других, наших сотрудников, сочленов и соотечественников. Честь целого Отечества и народа часто зависит от мнения о некоторых только из нас. *Несть безумному чести*, говорит Премудрый (Притч. 26:1); и не только ему одному, но чрез него и всему телу общественному, к которому он принадлежит.

Поприще нашего делания и жизни должно быть и поприщем славы, которая так же, как и честь, возможна для всякого, по слову Апостольскому, *делающего благое*. Слава есть известность и хвала достойных деяний и делателей среди общества. Степени хвалы и славы, как степени пользы и чести, многообразны, потому что многообразны деяния и делатели. Слово Божие, указуя нам многообразные пути к славе, свидетельствует, что она бывает достоянием и людей мудрых: *славу премудрии наследят* (Притч. 3:35); и людей справедливых и милостивых: *путь правды и милостыни обрящет живот и славу* (Притч. 21:21); и смиренных: *смиренныя утверждает Господь в славе* (Притч. 29:23); и вообще добрых: *слава делающему благое* (Рим. 2:10), и еще: *жена благодатна возносить мужу славу* (Притч. 11:16). Таким образом, все стези совершенств и добродетелей ведут достойных к славе, которая есть награда для них от Бога и людей за труды полезные и честные.

Внимая зову Отечества, постараемся, сколько кому возможно, на пути своей жизни, трудиться для пользы, чести и славы Отечества, и в трудах полезных, честных и достойных постаивать для себя лучшую награду. *Слава и честь и мир всякому делающему благое* (Рим. 2:10).

Между первыми и важнейшими услугами Отечеству земному и путями во отечество небесное, заповеданными нам Творцом, есть труд, к какому кто призван в обществе. Творец по созданию человеков, и по введении их в рай прежде всего заповедал им *делати и хранити рай* (Быт. 2:15), и по грехопадении их Господь опять и преимущественно заповедал

им труд: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3:19).

Труд заповедан от Бога всем нам без исключения, как в раю до грехопадения, так и после. Посему от труда никто не избавлен. Хотя не всем нам один и тот же труд, но все мы должны трудиться – каждый на своём месте, при своём деле, по своему званию и силам. Апостол Павел всем нам без изытия говорить: *молим вы братие находить удовольствие в тихой жизни и делать своё дело, и делати своими руками якоже повелехом вам* (1Сол. 4:11). Труд для каждого из нас без исключения Апостол считает столь необходимыми, как необходимо принятие пищи для продолжения жизни: *аще кто не хочет делати* говорит он, *ни же да ясть* (2Сол. 3:10). Сими словами Апостол даёт нам разуместь, что у всякого из нас должно быть своё дело, свой полезный и честный труд, своя похвальная работа; и посему ни кто не может сказать: мне делать нечего. Если мы иногда позволяем себе думать и говорить, что нам делать нечего: это значить, что не делать нам нечего, но мы не знаем: что и как нам делать. По заповеди Апостола, каждый из нас обязан непременно найти для себя и иметь полезное дело.

Труд заповедан нам на все время и притом – *всей* нашей жизни. Самая древняя заповедь Творца о труде предписывает его до конца жизни: *в поте лица твоею снеси хлеб твой, дондеже возвратишия в землю, от неяже взять еси* (Быт. 3: 19). Итак, трудись и работай, доколе живешь на земле, *дондеже возвратишия в землю. Дней отдохновения и покоя* Господь указал несравненно менее, нежели дней труда и работы. *Шесть дней делай*, сказал Господь, *а день седьмым – суббота Господу Богу твоему*. Поэтому вся жизнь наша на земле должна быть непрерывным, полезным и честным трудом: временем же священного покоя от делания в каждую седмицу один только день или дни святых праздников.

Трудиться заповедано нам *добросовестно* и *усердно*. *В поте лица твоего снеси хлеб твой* говорит Господь. Что и за труд, когда он без усердия, без любви и усилия? По слову Божию недовольно того, чтобы только трудиться, а надобно, чтобы в трудах наших светилось наше внутреннее чистое усердие и душевное расположение. *Всё, что творите, от души делайте, как Господу а не человеком* (Кол 3:23). *Не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но якоже рабы Христовы, творяще волю Божию от души* (Еф. 6:6).

Если мы должны трудиться с усердием и пользою: то кто не догадается, что мы должны трудиться с *умением* и *знанием*, чтобы дела и труды наши были достойны того усердия, с каким мы исполняем, и могли принести ту пользу, какой надобно ожидать от труда добросовестного. Как

труд без усердия, так и без знания много теряет для своего достоинства и пользы.

Для чего нам всем в продолжение всей на нашей жизни, с неослабным усердием трудиться? Слово Божие указывает нам на труд, как необходимый для того, чтобы *делати* и *хранити* рай. Господь по своему премудрому и благому Промыслу устрояющий пути спасения нашего и содействующий нам к достижению рая небесного, говорит о себе: *Отец той доселе делает и Аз делаю (Ин. 5:17)*. Так и нам надобно непрестанно делать, чтобы с пользою и честно совершить поприще своей жизни и постепенно возвышаться и приближаться к главной цели нашей – к вожделенному раю. Жить и делать в смысле строгом есть одно и то же. Жизнь наша должна быть непрерывною деятельностью, и постоянным трудом. Без дела и труда человек не подвигается вперед, а отдвигается назад, – не живет, а умирает. Чтобы идти вперед, подвигаться к своей цели, к назначенному Богом совершенству и раю, нам надобно неусыпно *делати* – возделывать природу и себя. Один прилежный труд при помощи Божией может успешно выработать нас и сделать полезными для общества и достойными Царствия Божия. Ибо и *Царствие Божие* как успех и во всяком деле, *нудится*, т. е. усилием достигается (*Мф. 11:12*). Кто не знает, что труд и прилежание умножают данные нам от Бога силы и способности вдвое и втрое, а леность и беспечность и с лучшими способностями остается без плода, как семя, упавшее при пути и потоптанное проходящими.

Трудясь и делая, мы мало-помалу узнаем естество вещей, свои силы и Творца, подобно трудолюбивому земледельцу, который, возделывая землю, узнает её свойство и собственные свои силы. При трудах и наблюдении мы обыкновенно приобретаем большую правильность, и развязность *мысли, крепость воли и чистоту сердца*.

Труд собственно есть жизнь и *возрастание* нашего ума. Над чем трудимся и потеем, то лучше понимаем, разумеем, знаем. До чего труд наш не коснулся, то обыкновенно нам не знакомо, чуждо нашему понятию и разумению. Ум наш господин только над предметами нашего труда; тут он развязан как бы дома у себя. Ибо ум наш не прядёт своих познаний из себя самого, а собирает извне с предметов, до которых наши наблюдения и труд коснулись, над чем мы подумали и поработали. Господь говорит: *всяк книжник, научившийся царствию небесному, т. е. навывший в учении о царствии небесном, подобен человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая (Мф. 13:52)*. Так по свидетельству самого Господа надобно углубиться, потрудиться и навывнуть в учении о

царствии Божиим, как и во всяком ином деле, чтобы быть достойными книжниками или знатоками учения, которое предлагаем другим, или мастерами дела, которым занимаемся. Конечно, что за книжник тот, кто не потрудился над книгами? что за мастер тот, кто не изучил мастерства?

Воздвывая и охраняя от зла ум свой упражнением и трудом, мы также воздвываем и храним и волю свою, которую, постоянным ежедневным хождением на дело своё и делание до вечера, мы опытно приучаем к правильному различению добра и зла и укрепляем для добра; можем довести и доведём себя до такого состояния, что делать зло, решиться на зло для нас станет невозможным. На высшей степени нравственной невозможности уклониться от пути правды, долга и добра пребывают Святые. На степени естественной необходимости творить волю Творца и неуклонно идти по Его благому и мудрому назначению находится вся видимая природа, которая деннонощно, неистощимо деятельна от начала создания и будет деятельна до скончания века. Подражая Господу и Святым, и нам надобно свою свободную деятельность, постоянным трудом, возводить до той степени, на которой поставлена природа законом необходимости, т. е. поступать и делать не иначе, как разумно, правильно, по воле Божией и закону. И наш труд постоянный, к которому мы мало-помалу привыкаем и привязываемся, действительно послужит надежнейшим средством к укреплению воли нашей для добра, для постоянного и неуклонного исполнения наших обязанностей. Писание говорит: *совершенных есть твердая пища, – имущих чувства обучена долгим учением в рассуждении добра же и зла (Евр. 5:14)*. Долгое учение, о котором упоминает Апостол, есть приобретаемый нами навык к твердому и деятельному различению добра и зла. Каждый из нас на пути жизни и труда подобен дереву, которое, когда ещё не окрепло, бывает удобопреклонно на все стороны, по влиянию ветра; когда же возрастет и окрепнет: стоит твёрдо и не сгибается от всякого ветра. При постоянном труде и мы можем возрасти и окрепнуть так, что не падём и не преклонимся от искушения. Ибо наш постоянный труд в существе своём есть подвиг совершать, выполнять, упрочить дело, а по отношению к нашей воле, – этой деятельной силе, исправлять, наклонять и приучать её к избранию и исполнению только должного и верного. Господь говорит: *всяк, иже слушаешь словеса моя и творить, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени. И снуде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри и нападоша на храмину ту и не падеся: основана бо бе на камени (Мф. 7:24–25)*. Храмину создать на камени значит неопустительно и точно исполнять самым делом закон:

тогда бояться нам нечего. Дожди, реки и ветры, на нас нападающие, т.е. многообразные искушения и обстоятельства, обнаруживающие нашу жизнь, нрав, достоинства, для нас неопасны; мы устоим, не падём, если не только слушаем и знаем, но верно и постоянно исполняем то, что надобно нам делать; если воля наша не уклоняется от добра, укреплена в добре. Апостол Павел говорит об укреплении воли своей для добродетели: *аз навыкох доволен быть тем, что у меня есть. Вем т. е. умею и смиритися, вем и избыточествовати: во всём и во всех навыкох и насыщатися и алкати и избыточествовати и лишатися. Вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе (Фил. 4:11–14).*

Трудясь, мы возделываем не только свой ум и свою волю, но еще более своё сердце. Плоды различных мыслей и твёрдой воли, приобретаемые трудами, более всего чувствует сердце. И что оно чувствует при труде? Прежде и более всего – немощь и ограниченность наших сил без помощи Божией. Чувством наших немощей, при трудах наших, мы насаждаем и утверждаем в своём сердце веру в Бога, – убеждение, что без Его содействия труды наши бесполезны. *Аще не Господь созиждете доме всуе трудишася зиждущий (Пс. 126:1).* Не узнают ли родители при воспитании своих детей, наставники и начальники при образовании вверенных им питомцев, земледелец при возделывании своих полей и садов, и все вообще трудящиеся и делающие, ту Божественную истину, что *ни насаждаяй есть что, ни напаяяй но возвращаяй Бог (1Кор. 3:7)?* Или не испытываем ли все мы непрестанно при своих трудах ту немощь нашу, о которой говорит Апостол и которая нас невольно обращает к Богу: послушайте *глаголющий: днесь или утре пойдём в такой то град и пробудем там едино лето и будем торговать и получать прибыль, – вы, которые не знаете, что завтра случится! Вместо того вам надлежало бы глаголати аще Господь восхоцет и живи будем (Иак. 4:13,15).* Какое нравственное и духовное приобретение собственным трудом достигнуть до ясного осязательного сознания, – до святой веры, что без содействия Божия наши намерения и дела безуспешны! И так трудом мы снискиваем для сердца своего высочайшее сокровище – опытную веру в Бога и другие неоцененные блага.

Кроме того труд, как исполнение нашего долга, вносит в наше сердце спокойствие и довольство. Эти чувства неразлучны от наших деяний – как тень от тела. Ты делал своё дело, Богом и обществом на тебя возложенное: и ты спокоен и доволен; твоё жилище для тебя радостнее, твоя пища для тебя слаще, твой отдых и сон невозмутимее, твоё обращение с ближними кротче и ласковее. Ибо добродетель нераздражительна и мирна.

Работою и трудом своим мы лучше всего вырабатываем чистоту и спокойствие сердца своего, и возжигаем в нём любовь к постоянному труду, который становится удовольствием и отрадою сердца. Премудрый говорит: *сон сладок работающему* (Притч. 5:11).

Без труда и работы мы не можем сохранить сердца от греховной нечистоты, которая, как пыль в жилище человека небрежного, покрывает и портит его утварь. Праздное, не ограждаемое трудом, сердце наше обыкновенно болит скукою, а скука влечёт нас к рассеянию и удовольствиям, и мы ищем удовольствий обыкновенно чувственных – плотских, суетных, порочных; покупаем наслаждения своих праздных чувств дорогою ценою – тратою времени, достоинства, здоровья и жизни полезной и спокойствия. Апостол Павел говорит о праздных: *слышим некия безчинно ходящая у вас, ничтоже делающыя но лукавно обходящыя* (2Сол. 3:11). Так, надобно делати, чтобы хранить сердце от праздности, скуки и бездны плотоугодия, которое есть вражда на Бога и на ближних. Без дела и труда человек есть ладья, преданная на волю ветра и волн страстей. Труд и работа утомляющие наше тело, бдительно ограждают и стерегут наши ум и сердце от опасного рабства прихотям плоти, которые без труда и утомления, как терние сильно растут и заглушают в нас семя слова Божия, добродетели и счастья. Посему *всяцем хранением блюди твое сердце* (Притч. 4:23).

Труд необходим не для одного внутреннего усовершенствования способностей нашей души и чистоты тела, но и для того, *да с безмолвием делаяще свой хлеб ядим* (2Сол. 3:12) и ни в чём не имеем нужды (1Сол. 4:12). Апостол Павел сам о себе говорил современным христианам: *сами весте, яко требованию моему и сущим со мною* (т. е. нуждам моим и бывших при мне) *послужисте руце мои сии* (Деян. 20:34). А свой хлеб едят только трудящиеся и работающие. По свидетельству слова Божия, труда рук наших достаточно для нашего честного и неприхотливого пропитания. Еще ветхозаветным чадам веры мудрость Божия изрекла: *иди ко мравию и лениве, и поревнуй видеви пути его, и буди онаго мудрейший: от бо не сушу ему земледельцу, ниже нудящаго его имущий, ниже под владыкою сый, готовит в жатву пищу и многое в лето творит упование. Или иди к пчеле, и увещь: коль делательница есть делание коль честное творит. Доколе о лениве лежиши, когда же от сна востанеши: найдет тебе аки зол путник убожество. Аще же не ленив будеши, приидет яко источник жатва твоя, скудость же аки злый течец от тебе отбежит* (Притч. 6:6–11). Так в лености – разорение, скудость, нищета; в труде – довольство и обилие! Эту истину сам Господь подтверждает. Посылая на проповедь учеников своих,

Он заповедал, чтобы они шли ни чем не запасшись – ни золотом, ни серебром, ни медью. Почему же? Потому что *достойн есть делатель мзды своя* (Мф. 10:10), т. е. кто трудится, тот будет иметь и пристанище и пищу и одежду.

Если опыт показывает, что иногда труда рук наших недостаточно для нашего пропитания: это, может статься, происходит от недостатка нашей бережливости и терпения. Трудись и работай с упованием на Бога, с молитвою о Его помощи, береги и будь терпелив и верно труда рук твоих достанет тебе на пропитание. Апостол Павел пишет: *нуждам моим и нуждам бывших со мною служили руки мои. В действительно же отягощающих трудах, что не часто бывает при помощи Божией, при нашей бережливости и терпеливости, будем помнить, что, по слову Божию, лучше жити в угле не покровенном, нежели в повапленных с неправдою* (Притч. 21:9): *лучше укруг хлеба с сластиею в мире, нежели дом исполнен многих благих и неправедных жертв с бранию* (Притч. 17:1).

О тех, кои имеют довольно для своего пропитания, не думайте, что они едят свой хлеб, хотя бы время проводили и в праздности. Нет, едят свой хлеб только трудящиеся и работающие. Апостол Павел говорит: *сие завещаю вам, аще кто не хочет делати ниже да яст* (2Сол. 3:10). По Апостольскому завещанию едят свой хлеб только трудящиеся, – и бедные, кои вырабатывают его своим трудом и богатые, кои хотя не имеют нужды трудиться для приобретения своего насущного хлеба, но не живут без полезных занятий и труда. Но не свой хлеб едят и нищие, кои праздны и не хотят работать, и богатые, если они также праздны и не хотят заняться полезным деланием.

Слово Божие заповедует нам трудиться и ради Бога. *Чти Господа*, говорит премудрый Соломон, *от праведных твоих трудов* (Притч. 3:9). Посему надобно трудиться, чтобы чтить Бога приношениями и жертвами во славу Его от собственных и праведных трудов. Бог, конечно, не приемлет угождения от рук человеческих так, как бы он нуждался в этом (Деян. 17:25), но заповедует это угождение и приемлет для нас, для нашего сердца, которое видимым, трудовым нашим приношением Богу духовно питается и без этого не может обойтись. Но сердце наше, как и Господь, требуют приношений и жертв от наших праведных трудов, т. е. таких приношений и жертв, которые памяты для нас по употребленным для приобретения их нашим трудам, и притом трудам праведным, честным и не укоризненным. Что за жертва и угождение Богу, если мы жертвуем и угождаем Ему не от своего труда, и что по этому не наше и для нас не дорого, потому что чужое? Или что за жертва Богу праведному и

всесвятому от труда и промысла неправедного, не чистого?

Слово Божие заповедует нам трудиться и *ради ближних, и во-первых, для назидательного примера им*. Апостол Павел говорит: *ниже туне (даром) хлеб ядохом у кого: но в труде и подвиге ночь и день делаеме, да себе образ дамы вам, воеже уподобитися нам (2Сол. 3:8–9)*. Труд постоянный для своего пропитания, охраняющего трудящегося от излишеств праздной жизни, поддерживающий в нём здоровье и бодрость духа, есть прекрасный назидательный пример для многих лиц нашего общества и круга, – пример порядка, довольства и спокойствия. Ибо Апостол, говоря о своих деннонощных трудах для примера другим, пример этот поставляет между прочим и в том, что мы, пишет Апостол, *не безчинствовахом*. Следовательно, люди праздные, – не занятые своим трудом и работою, по Апостольскому выражению, безчинствуют и подают собою не добрый поучительный пример, а соблазн и бесчиние.

Во-вторых, по заповеди Слова Божия, надобно трудиться и работать ради ближних и для милостыни от наших трудов нуждающимся. Апостол Павел говорит: во всем показал я вам, что трудясь, надобно поддерживать слабых и помнить слово Господа Иисуса: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати (Деян. 20:35)*. Эта помощь и милостыня ближним истинно и действительно нуждающимся, от наших праведных трудов, есть главная часть заповеди Господней, которая предписывает любить Бога и ближних. Евангелие всё от начала до конца проникнуто внушениями любви к ближним бескорыстной, чистой. Господь, побуждая к делам любви христианской, называет милостивых блаженными, *яко тии помилованы будут (Мф. 5:7)*; *просящему у тебе дай, глаголет Господь, и хотящаго от тебе занять, не отврати (Мф. 5:42)*. *Тебе творящему милостыню, да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя: яко да будет милостыня твоя в тайне (Мф. 6:3–4)*. *Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаше сокровище на небеси (Мф. 19:21)*. *Егда твориши пир, зови маломощныя, хромья, слепыя: и блажен будещи яко не имут, что ти воздати: воздаст же ти ся в воскресение праведных (Лк. 14:13–14)*. По слову Спасителя, кто уделяет от своего имущества не мнимо бедным и нищим, тот в Бога богатеет (Лк. 12:21). Кто творит правую милостыню, тот самому Христу подаёт, и Он некогда скажет: *поелику сотвористе единому братий моих менших: мне сотвористе, и с лихвою, – с приращением воздаст милостивым (Мф. 25:40)*.

Сколько побуждений самых святейших – трудиться, честно приобретать и при неукоризненных трудах своих уделять благоразумную

милостыню действительно нуждающимся и бедствующим от голода, холода, болезней и других неисчислимых зол, тяготеющих над нами, и упокоевать страждущих. В этой Христианской, нами выработанной милостыне заключается и наше нравственное совершенство, и наше истинное неотъемлемое богатство и наше нескончаемое блаженство! По Евангелию милостыня бедным есть наше вечное сокровище, и злополучные суть наши вечные кладовые и житницы, где ни моль ни ржавчина не портит, ни воры не крадут.

В-третьих, нам надобно, по слову Божию, трудиться ради ближних, чтобы никого не отягощать своим пропитанием и нуждами. Апостол Павел пишет: *помните братия труд наш и подвиг: ночь бо и день делаеме, да не отяготим ни единого от вас (1Сол.2: 9)*, и внушает нам заниматься трудом и работою день и ночь, чтобы есть свой хлеб и никого не обременять. Быть бременем для других есть тяжкий грех, – обличающий бесполезное и вредное существование. У каждого из нас на земном поприще своё есть бремя, своя ноша: как же решиться беззаконно бременить и тяготить собою других, может быть, более нас нуждающихся, отнимать и поедать у других время, труд и спокойствие, распространять недоверчивость, ропот, и жалобы в обществе?

Без труда и работы мы обыкновенно *надоедаем и бременим других своею праздностью*. Апостол говорит о незанятых трудом и работою: *будучи праздны, привыкают ходить по домам: и не только остаются праздны, но и становятся болтливы, любопытны, говорят то, чего не должно (1Тим. 5:13)*.

Празднолюбцы, не занятые трудом и работою бременят других не только пустословием, но и тунеядством – или дармоедством. Апостол говорит о себе: *ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвиже ночь и день делаеме, да не отягчим никогоже от вас (2Сол. 3:9)*. Мы невольно тяготим других, когда питаемся и существуем без труда и работы, кормиться без своего труда и работы, значит насыщаться от трудов и работы других; вторгаться в долю других силою и хитростью, и своим, по выражению просторечия, – дармоедством или мироедством несправедливо уменьшать долю других. Какое тяжкое над обществом иго в прикрытых иногда видом правды и праведности притязаниях мироедов на долю других, подвергать ближних многообразным лишениям, чтобы самим сладко есть и мягко спать, хотя бы иные, нам подобные и даже лучшие нас, терпели и страдали. Если бы каждый питался от праведных своих трудов и, как говорит Апостол о себе, умел жить и в скудости, умел жить и в изобилии; *навыкох и насыщатися и алкати, и избыточествовати и*

лишатся (Фил. 4:12): сколько бы приобрели благ вещественных и нравственных общество и каждый член его порознь! Кто туне – даром без собственного труда и работы не хочет и не любит есть чужого хлеба: тот без сомнения не будет беспечен, небрежен, неисполнителен в делах своего звания; не будет странничать и простираť слова, взоры и руки, чтобы туне взять и вымолить мзду или милостыню от ближнего для своей прихоти и лености: постыдится быть у дела но не для дела, а только для вида; не решится возвысить *лихву* к обременению и истощению ближнего, без права и милосердия. Но непривыкший собственным трудом и работою питаться, а питающийся пространно и туне от труда и работы других дерзнет на все роды тунеядения – лихоимания, праздношатания, вымаливания, выпрашивания, притворства, лицемерия, пронырства, взяточничества и хищничества.

Питаясь без труда и работы тунеядец бременит и тяготит ближних трудящихся между прочим и тем что *не ценит* чужих трудов и работы, кои ему легко служат. Как и ценить правильно и свято кровавый пот работы тому, кто легко, как бы готовым кормится, кто с миру по нитке сдобляет себе красивую и прочную одежду и жилище и очень часто копит и собирает не по капельке и по зёрнышку, а вдруг много – как из колодезя черпает? Не ценя трудов и работы чужих, дармояд большею частью одною рукою собирает, а другою расточает. В тунеядстве едва ли не главный источник роскоши и всех тех утончённых в наши дни суетностей и злоупотреблений коим мы порабощены и слепо раболепствуем.

Примечания

¹ - В 21 беседе на послание к Ефес.

Содержание

Дебольский Г.С. О любви к Отечеству и труде по слову Божию протоиерей Григорий Дебольский	1
Примечания	33